

УДК 82—14/9:130.121

*Надежда Викторовна Сподарец**Одесса, Украина***ЖАНРЫ ЛИРИКИ С ПОЗИЦИЙ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА**

В литературоведении последнего десятилетия очевидна тенденция: жанрология из числа периферийных научных направлений конца XX века всё активнее переходит в ряд актуальных и приоритетных исследований. Причина, конечно же, не в объекте, а в тех новых теоретико-методологических обоснованиях самого концепта ЖАНРА, которые на новом эпистемологическом фоне постепенно обретают системность и выполняют роль инструментария прикладных жанрологических исследований.

Данная статья направлена на поиск ответа: какой теоретической концепцией жанра и какой системой жанрообразующих показателей следует руководствоваться, чтобы констатировать, например, жанровую идентичность поэтических текстов Серебряного века? Является ли сама процедура жанровой идентификации поэтических текстов этой эпохи научно корректной в современном литературоведении? Ведь ещё в начале XX в. Бенедетто Кроче представил свою мотивацию исчезновения литературных жанров [8], а в середине этого же века одну из версий академической науки в трактовке данной проблемы сформулировал В. Д. Сквозников, подчёркивая “очевидность” “атрофии жанра в лирике” [11, с. 43].

В этой связи авторы фундаментальной коллективной работы по вопросам жанрологии конца XIX — начала XX в.в. констатировали: “Если считать жанровые каноны, сложившиеся в эпоху риторики (“рефлексивного традиционализма” или “эйдетической поэтики”), единственной формой, обеспечивающей сохранение идентичности жанра, то после реформ, произведённых романтической теорией и практикой, жанры как таковые — за исключением тех или иных рудиментов прежних литературных систем — перестают существовать” [3, с. 8].

Значимым представляется и такое заключение О. В. Зырянова: “...жанр не следует понимать как исполнение теоретического априо-

ри некоей предуказанной абстрактной сущности, жанр прежде всего производное конкретно-исторических сдвигов художественного сознания, продукт литературной эволюции, что неизбежно требует от исследователя (будь то историк или теоретик литературы) настоящего выхода в сферу исторической поэтики... жанр существует и проявляется не в отвлечённой жанровой модели (некоем абстрактном инварианте), а в “существенной жизни произведения” (термин-метафора М. М. Бахтина), иначе — в многообразии индивидуальных жанровых форм” [5, с. 12].

В начале XXI века, опираясь на “онтологическое измерение жанра”, теоретики литературы констатируют: “Жанровое мышление не исчезает и вряд ли когда-нибудь исчезнет, как не может исчезнуть традиция, как бы к ней ни относились. Но в XIX–XX в.в. изменяется характер жанрового мышления, оно становится более свободным и креативным” [7, с. 20]. Если же в “структуре изучаемого произведения собственно жанра нет, то есть “тень”, которую этот жанр отбрасывает” [4, с. 12].

Действительно, отправной точкой здесь стал конец XVIII века, когда в литературном сознании начали доминировать интенции “эстетического креативизма” (В. Гюпа) и жанрообразовательный процесс разворачивался уже в новом режиме отношений с жанровым каноном. Многие литературоведы эти явления связывают с повышением роли авторства в творческом процессе и переориентацией художественного сознания с нормативной поэтики на эстетику художественного творчества. С. С. Аверинцев писал об “эмансипации принципа субъективности”, с чем связывал и трансформации жанровой матрицы, изменения в структуре отдельных жанров и в жанровой системе в целом. Е. М. Черноиваненко в этой связи обратил внимание на то, что “литература в этот период переходит из состояния риторичности в состояние художественности” [14, с. 32].

В теоретико-методологическом и литературоведческом дискурсе сегодня наметились новые ракурсы и решения жанрологической проблематики. В частности, обратим внимание на *феноменологический подход к искусству и соответственно феноменологическое рассмотрение жанра произведения*, когда значимым фактором его художественной реализации признаётся тип художественного сознания творческого субъекта [6], а фактором литературоведческой иденти-

фикации жанра произведения — горизонт филологической культуры исследователя-реципиента [12]. Произведение при таком подходе трактуется как способ объективации творческих интенций авторского сознания, как художественно-эстетический феномен, который формируется всё же во взаимодействии индивидуально-личностной и общекультурной мотивации.

С феноменологической точки зрения, “жанр — это категория феноменологического опыта”, закрепляющая в индивидуальном творческом процессе связь художника с культурно-исторической “памятью жанра” (жанровой традицией) [5, с. 13]. В контексте феноменологического подхода “жизнь жанра” обусловлена горизонтом творческого сознания поэта, что мотивирует возможность “смещений” жанра в процессе его бытования, т. е. “обратимостью” как способностью превращаться в другие жанры, способностью рождаться, крепнуть, утверждаться, а затем умирать, мешая жить другим” [13, с. 204].

В эпоху эстетического креативизма (или художественной модальности) жанровый модус творческого сознания регулируется горизонтом художественно-эстетического опыта автора, его субъективной интенцией к порождению модели инновационной конструктивной формы (включая и авторские жанровые формы произведения), воплощающей характерную эстетическую концепцию мира как “художественный образ мира” [9].

Выбор автором того или иного предмета рефлексии, выраженного в определённой жанровой форме, не случаен: он обусловлен авторским мирообразом и мировидениями. Жанровая форма произведения во многом мотивирована всем художественно-эстетическим опытом автора как человека частного и культурно адаптированного. Здесь согласимся с О. В. Зыряновым, отметившим, что “именно феноменологическая концепция жанровой эволюции, базирующаяся на идее творческого диалога художника с миром культуры, позволяет объяснить сам механизм исторической изменчивости жанра в индивидуальной практике поэтов нового времени” [5, с. 16]. Ведь сознание писателя способно оживить “память жанра”, т. е. актуализировать ту или иную жанровую традицию. В категориях поэтики это значит актуализировать жанровый код, который в режиме диалогических отношений с предшествующей традицией творчески реконструируется

в тексте произведения, запуская механизм трансформации канонической жанровой модели в индивидуально-авторскую.

М. Бахтин писал: “Литературный жанр по самой своей природе отражает наиболее устойчивые, “вековечные” тенденции развития литературы. В жанре всегда сохраняются неумирающие элементы архаики. “Архаика, сохраняющаяся в жанре, не мёртвая, а вечно живая, то есть способная обновляться архаика. Жанр живёт настоящим, но всегда помнит своё прошлое, своё начало. Жанр — представитель творческой памяти в процессе литературного развития” [2, с. 142]. О. В. Зырянов констатировал, что “жанровые новации всегда имманентны индивидуальному авторскому сознанию”. Но “проявляющаяся в жанре диалектика общего и индивидуального, инвариантно-устойчивого и феноменально-изменчивого выражает не только взаимоотношения жанра и реализующего его произведения, но и самые основы герменевтики жанра, известную трихотомию жанровый архетип — жанровый тип — индивидуальная жанровая форма. Что касается “жанрового типа” (ведущей категории исторической поэтики), то под ним следует понимать исторически сложившийся тип художественного произведения (отвлечённый от многообразия конкретных текстов инвариант формально-содержательной целостности), служащий классификации литературных феноменов (произведений данного жанра) и воплощаемый в реальной художественной практике в виде индивидуальных жанровых форм” [5, с. 13].

Феноменологический подход к жанру произведения не ограничивается уровнем отношений авторского сознания и текста произведения, а учитывает и текстообразовательный потенциал сознания реципиента. Ещё М. Бахтин к жанрообразующим факторам относил и читательское восприятие.

Эту мысль развивает Д. Соболев. Разрабатывая концепцию семиотической феноменологии произведения, он отмечает “феноменологическое стремление к пониманию литературного опыта, возникающего между читателем и литературным произведением” как “опыта, воспринятого во всей его полноте и сложности” [12].

Феноменологическая аналитика не допускает со стороны читателя навязывание художественному миру произведения личных норм и оценок исследователя. В частности, “семиотическая феноменология ставит своей целью анализ конкретной природы, взаимосвязей

и конфигураций смыслов в текстах или текстуальных корпусах в их личной, экзистенциальной и исторической конкретности, а также анализ тех модальностей и установок, которые эти смыслы конституируют” [12].

В контексте такого подхода жанровая идентификация поэтических произведений Серебряного века как акт текстопорождения направлена и на системное выявление жанровых кодов предшествующих эпох, которые получают новую функциональную нагрузку в организации художественной целостности произведения, его интертекста и его художественного мира. Именно художественно-эстетическое бытие этого мира как функциональной и феноменальной характеристики, порождённой художественной целостностью произведения, позволяет увидеть в нём не только явление индивидуальной и неповторимой авторской художественной системы, а сквозь призму его морфологии констатировать творческий диалог с жанровыми рядами предшествующих или современных типов литературы, следовательно, за единичным и неповторимым усмотреть жанровые и родовые ряды как типологические феномены литературного процесса. В системе феноменологической риторики и поэтики диалогизм как онтологическое свойство литературного мышления, о котором писал М. Бахтин, может быть конкретизирован показателями жанрового модуса литературного сознания определённого индивида или литературного направления в целом.

Жанрово-родавая идентификация — это процедура интерпретационная, связанная с установлением принципов отношений мира произведения с известными (часто прецедентными в культуре) жанровыми рядами как прототекстами. Их количественные, концептуально-функциональные и структурные характеристики уже в рамках мира произведения фиксирует (тем самым, актуализирует) читатель-интерпретатор. Ведь в структуре произведения на уровне “носителей жанров” маркируются признаки, позволяющие в процессе жанровой идентификации констатировать авторский диалог с классическими жанровыми моделями или уже получившими творческое переосмысление в писательской практике отдельными жанровыми кодами. Произведение при таком подходе выступает индивидуальной жанровой формой, а в рамках художественной системы писателя — инвариантом авторской жанровой модели, коды

которой прочитываются на уровне “носителей жанра” (по Н. Л. Лейдерману), а именно: субъектной организации художественного мира, пространственно-временной организации, пневмосферы (понятие, предложенное П. Флоренским и вполне соотносимое с понятием *ноосфера* в трактовке В. Вернадского), ассоциативного фона и интонационно-речевой организации [9].

При жанровой идентификации произведение рассматривается и как текстотип, проявленный на уровне его миромоделирующих и поэтикальных характеристик, актуализированных в процедуре тектообразования. Его структуры обусловлены интенциональным и культурным фактором, что предполагает их анализ с учётом культурно-исторической отнесённости. Такой подход позволяет констатировать, что произведение в контексте жанровых типологических показателей и связей всегда определённым образом укоренено в жанрово-родовую традицию. В текстообразовательном процессе это проявляется через приёмы интертекстуальности. Но в отличие от структуралистского подхода к литературному тексту, в данном случае он не оказывается только объектом аналитического расчленения, целью которого является изоляция основных элементов содержания и выразительных средств, анализ их конфигураций [1], а направлен на выявление “текстовых коррелятов смыслового и жизненного мира человека, содержащихся в той или иной книге или том или ином авторском корпусе — например, корпусе литературных произведений” [12].

Возвращаясь к феноменологии жанрового процесса конца XIX- начала XX в.в., подчеркнём: современная научная мысль отмечает в нём “полемический диалог с традиционными жанрами, подвергаемыми деканонизации” [3]. В литературе Серебряного века наиболее рельефно он проявился при обращении поэтического сознания к жанровому коду элегии и послания.

В контексте изложенных выше положений теоретико-методологического подхода очевидно, что независимо от того, маркирована писателем в названии или в подзаголовке жанровая номинация произведения, аналитика его жанрового профиля да и всей жанровой системы литературного процесса конца XIX — начала XX веков определяется готовностью исследователя-интерпретатора к установлению жанровой идентичности произведения в его единичной характеристике и типологической отнесённости.

Список использованной литературы

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов: (Текст] / Ролан Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX — XX веков. Трактаты, статьи, эссе. - М.: МГУ, 1987. - С. 387-422.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. - 445 с.
3. Бройтман С. Н. Жанр и жанровая система в русской литературе конца XIX — начала XX века / С. Н. Бройтман, Д. М. Магомедова, И. С. Приходько, Н. Д. Тамарченко // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. - М.: ИМЛИ РАН, 2009. - С. 5-76.
4. Зырянов О. В. Пушкинская феноменология элегического жанра / О. В. Зырянов // Известия Уральского гос. ун-та. — 1999. — № 11. — С. 5—12.
5. Зырянов О. В. Прологомены в феноменологическую теорию жанра // Жанрологический сборник. — Елец: ЕГУ имени И. А. Бунина, 2004. — Вып. 1. — С. 12—16.
6. Зырянов О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект: автореф. дис.... д-ра филол. наук: 10.01.01 — русская литература / Зырянов Олег Васильевич. — Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2004. — 42 с.
7. Кораблёв А. А. Теоретические вопросы жанрологии / А. А. Кораблёв // Эволюция жанров в литературе Урала XVII-XXвв. в контексте общероссийских процессов / О. В. Зырянов, Т. А. Снигирёва, Е. К. Созина и др. — Екатеринбург: УрОРАН, 2010.-С. 13-29.
8. Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика / пер. с итал. В. Яковенко; Б. Кроче // Кроче Б. Теория. Часть 1. — М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1920. — 172 с.
9. Лейдерман Н. Л. Теория жанра / Н. Л. Лейдерман. — Екатеринбург: УГПУ, 2010. — 904 с.
10. Пospelов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы / Г. Н. Пospelов. — М.: Просвещение, 1972. — 272 с.
11. Сквозников В. Д. Лирика / В. Д. Сквозников // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. — М.: Наука, 1964. - С. 173-237.
12. Соболев Д. Проблема феноменологии произведения: [Электронный ресурс] / Денис Соболев // Вопросы литературы. — М., 2012. — № 1. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/1/so11.html>
13. Турбин В. Н. К феноменологии литературных и риторических жанров в творчестве А. П. Чехова / В. Н. Турбин // Проблемы поэтики и истории литературы. — Саранск: Мордовский гос. ун-т, 1973. — С. 204-216.
14. Черноиваненко Е. М. Парадоксы природы жанра, или В чём же ошибался Бенедето Кроче? / Е. М. Черноиваненко // Проблемы сучасного літературознавства: зб. наук, праць. — Одеса: Маяк, 2008. — Вип. 8. — С. 32-41.